

Это место ученики ласково называли «малыми воротами», «материнскими воротами» или «воротами любви».

Е Цзинмо перестал торопиться. Найдя место, чтобы припарковать велосипед, он неспешно, напевая, подошёл к этим воротам. Перекинул рюкзак через ограду, затем ловко вскарабкался на дерево, легко спрыгнул — и вот он уже на территории Третьей школы Линчэна.

Однако, приземлившись, он обнаружил, что его непослушный телефон выскользнул из кармана на «исследование новых земель» и упал по ту сторону забора. Достать его рукой было нельзя — слишком далеко.

Перелезть через эти «малые ворота» снаружи внутрь было легко, а вот обратно — задача посложнее.

В тот момент, когда он начал раздражаться, неподалёку появился парень. На нём была белая футболка и чёрные прямые брюки, за спиной — рюкзак. Он шёл неспешным, ровным шагом.

По мере того как незнакомец приближался, глаза Е Цзинмо загорались всё ярче. Парень был чертовски красив! Прямо как я!

Его кожа была белой и нежной, ноги — длинными, талия — тонкой. Он шёл из дальнего конца аллеи, и солнечный свет падал на него, отбрасывая тень от длинных ресниц. Мягкая чёлка лежала на гладком лбу. Холодные светло-карие глаза, тонкие светло-розовые губы, высокий нос, на котором уверенно держались круглые очки в золотой оправе. А на щеке, близко к носу, — едва заметная, но удивительно притягательная родинка...

Каждая черта лица этого парня была безупречна. Холодное выражение, белая рубашка с расстёгнутой верхней пуговицей, обнажавшей соблазнительный кадык, — всё это создавало ауру интеллектуальной сдержанности и запретной привлекательности.

Е Цзинмо не отрывал от него глаз, погружаясь в созерцание этой красоты. И тут его осенило. Прислонившись к стене, он принял эффектную позу, провёл рукой по взъерошенным волосам и обратился к парню с самой искренней и дружелюбной улыбкой, указывая на телефон:

— Братишка, братишка! Помоги поднять телефон, будь добр!

Тот «братишка», услышав голос, поднял глаза. Сквозь тонкие стёкла очков его холодноватый взгляд упал на Е Цзинмо.

Е Цзинмо без тени смущения встретился с ним глазами. Их взгляды пересеклись в воздухе. В светлых зрачках незнакомца отразился черноволосый парень у дерева, улыбающийся беззаботно и дерзко, с тёмными, глубокими и яркими глазами.

«Братишка» на мгновение замер. Образ стоящего перед ним юноши начал странным образом накладываться на воспоминание о маленьком мальчике, который когда-то под дождём сидел на корточках у стены виллы, обхватив колени, — жалкий и одинокий.

Е Цзинмо, видя, что парень застыл на месте, молча смотрит на него, словно погружённый в глубокие раздумья, и не проявляет ни малейшего желания поднять телефон, завёл свою шарманку:

Неужели ещё один пал жертвой моей неотразимости?

Мысленно посмеиваясь, Е Цзинмо расплылся в ещё более ослепительной улыбке и игриво поднял бровь в сторону «братишки»:

— Что? Очарован до потери дара речи? Давай, подними телефон, и я позволю тебе любоваться сколько захочешь. Хочешь — даже потрогать разрешу!

Братишка:...

Я что, с ума сошёл? Какая может быть связь?

Мысли парня вернулись в реальность. Он поправил очки, лицо его оставалось невозмутимым. Не проронив ни слова, он равнодушно отвел взгляд.

Затем он поднял ногу и лёгким, почти небрежным движением пнул телефон Е Цзинмо. Тот скользнул как раз в ту зону, откуда его можно было достать рукой.

После этого «братишка» слегка скривил губы — казалось, он тихо фыркнул, — и направился дальше своей дорогой...

...

Яркая, полная обаяния улыбка Е Цзинмо мгновенно застыла на его лице.

Спустя несколько секунд он с силой стиснул зубы, подавляя вспышку раздражения, и хрипло выругался:

— Чёрт! Ну и характер!

В душе Е Цзинмо вспыхнула искорка негодования: Это что, насмешка? Разве я некрасив? Что он вообще имел в виду?

Стоп, не в этом дело! Этот тип ведёт себя так нагло? Он пнул мой телефон! Прямо при мне! И ведёт себя наглее, чем я? Нет, так дело не пойдёт! Не потерплю!

Бормоча что-то себе под нос, Е Цзинмо с нахмуренным лицом наклонился, чтобы поднять телефон. Хотя он его и получил обратно, внутреннее недовольство лишь нарастало. Он едва сдержал порыв перелезть обратно и притащить этого наглеца сюда для разборок, и снова выругался:

— Блин!

— Ого! Какие страсти поутру! Кого это ты собрался... — Е Цзинмо резко поднял голову и увидел «Короля Льва», который, скрестив руки на груди, прислонился к колонне и с улыбкой, полной скрытых угроз, смотрел на него.

Е Цзинмо:...

Вот чёрт, правда!

Итак, хмурый Е Цзинмо снова удостоился «приглашения» от «Короля Льва» в тёмную комнату.

Вернуться в свой класс, 9-й класс второго курса, он смог лишь после окончания первого урока, с выражением полного отчаяния на лице.

— О, папа прибыл! Что так поздно? Попался на перелезании через малые ворота? — У Фань, сидевший за первой партой и яростно строчивший что-то, услышав шум, повернул голову, не отрывая руки от тетради.

— Ага! — Е Цзинмо плюхнулся на стул, уронил подбородок на парту и ответил с безжизненной интонацией.

Его сосед по парте, Цинь Но, тоже усердно что-то писал. Заметив мрачное настроение Е Цзинмо, он быстро достал из-под стола коробку молока и поставил перед ним:

— Что случилось, Мо Мо? С утра такой подавленный?

Е Цзинмо взял молоко, воткнул трубочку и засунул её в рот:

— Эх! Не спрашивай. С утра нарвался на одного красавчика-урода!

— Урода? Какого урода? Мужчину или женщину? Чем уродствовал?

Монитор класса, Шэнь Цзюньян, который яростно выводил что-то в тетради красной и чёрной ручкой, даже не обернулся.

— А вы чего это все дописываете? — Только сейчас Е Цзинмо удивился.

Шэнь Цзюньян с шумом выдохнул, швырнул ручки на парту и, повернувшись, поднял в воздух тетрадь:

— Следующий урок у «старой карги»! Вчера на вечерних занятиях она задала четыре страницы физических задач! Сегодня сама будет проверять!

«Старой каргой» звали учительницу физики, которая вела занятия в девятом и десятом классах. Её звали Янь Фан, ей было за сорок. Худая, невысокая, с растрёпанными сухими волосами и в круглых очках-«линзах», она круглый год носила длинные платья чёрного или серого цвета — всегда до колен. Её суровость была легендарной на всю школу.

Она была единственной, кого ставили в один ряд с «Королём Львом».

Эти избалованные молодые господа из Третьей школы, которые никого и ничего не боялись, панически трепетали лишь перед «Королём Львом» и «старой каргой».

У Фань, который в обычное время к ручке не прикасался, с самого первого курса исправно выполнял каждое домашнее задание по физике.

<http://bllate.org/book/16285/1467033>